

"Борис Годунов". Сочинение А. Пушкина

Беседа старых знакомцев {*}

{* Издатель получил сию статью при следующем письме, которое по своей оригинальной курьезности заслуживает быть известным публике: "М. г. Прочитав в вашей "Молве" неожиданное известие о моем присутствии на детском бале, где хотелось сохранить строгое *инкогнито*, я возымел о вас высокое понятие. Вы умели отличить меня в толпе танцующих по моим скудельным ногам: я отличаю вас в толпе журналистов, по вашей истинно *телескопической* зоркости. *Рыбак рыбака видит издалека*. Я имею несчастную страсть писать и еще несчастнейшую -- видеть в печати свои писания. Вероятно, их читывали в "Вестнике Европы". Над ними истощены были всевозможные насмешки и ругательства; так что я могу сказать теперь с Наполеоном: "чего мне бояться? сказать нового обо мне уж нечего!" Это еще более усилило страсть мою: и я продолжаю писать с большим рвением и совершенною безопасностью. Осиротев без "Вестника Европы", я обращаюсь теперь к вашему "Телескопу": не позволите ли вы мне иногда сквозь его стекла показывать себя публике? Может быть, вы побоитесь, что я слишком болтлив и люблю иногда пускаться в мелочные подробности, но я думаю, что это нужно для репутации вашего журнала, который -- между нами сказать -- слишком уже степенен и важен. Если препровождаемая к вам теперь статья будет предана тиснению, то я сочту это за дозволение беспокоить вас новыми присылками. Поверьте, что вы скорее устанете получать, чем я писать и -- уважать вас. Ваш покорнейший слуга, *Н. Надоумко*". Желание почтенного корреспондента исполнено: статья *предается тиснению*. -- Изд. }

Слава, нас учили, дым:

Свет -- судья лукавый!

Жуковский

"Слава... слава... обольстительный призрак!.. Что за волшебную прелесть имеешь ты для нас, слабых смертных!.. Едва удастся нам выдраться из-под ига животных потребностей, кои первые одолевают наше земное существование, как душа, только что спознавшая саму себя, становится игрищем собственных сил и работою собственных прихотей. Ей кажется тесно и душно в пределах своего неделимого бытия: она ищет выбиться, излиться, раскинуться сколько можно шире в пространстве, среди коего поставлена; и, при недостатке существенной полноты, утешается, если шум, производимый ее усилиями, раздастся вокруг нее более или менее внятными звуками. Забава, конечно, невинная, но зато -- прочна ли?.. Сии обольстительные звуки... надолго ли их становится? Какая волшебная сила может оковать их легучую беглость в этой беспрестанно мятущейся стихии, которая называется мнением?.. Очарование естественно: но разочарование гораздо естественнее!.. *Transit gloria!*" {Слава проходит! (*лат.*) -- *Ред.*} Так рассуждал я сам с собой, третьего дня, направляя стопы свои к жилищу доброго и почтенного князя Любославского, у которого в этот день, по случаю рождения старшей дочери и именин младшего сына, снаряжен был, по обычаю предков, богатый обед на славу.

Случай сделал меня известным князю, сохранившему от времен екатерининских барскую пышность и барское меценатство к ученой братии, которое, не в осуд нашему просвещению, началось ныне выходить из моды. В прежние годы, когда он сам был помоложе и поретивее, у него отделен был особенный день в неделе, который посвящался исключительно грамотеям и писакам,

Прозаистам и поэтам,
Журналистам, авторам, --

приглашаемым и угощаемым,

Не по чину, не по летам, --

а по доброму изволению хозяина. Здесь зарождались и созревали многие поэтические